

РЕЦЕНЗИИ

В. В. Виноградов. Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Фортунатова). — Изд-во МГУ, 1958, 400 стр.

Монография акад. В. В. Виноградова представляет собой подробное критическое изложение истории изучения русского синтаксиса в XVIII и XIX вв. (до 80-х гг.) — в ту эпоху, когда «ясно определилось основное содержание науки о русском синтаксисе и резко обозначились главные противоречия и препятствия в ее развитии» (стр. 371). Книга состоит из четырех разделов: в первом рассматривается ломоносовский период в изучении русского синтаксиса (с середины XVIII в. до 20-х гг. XIX в.), во втором характеризуются основные направления в разработке русского синтаксиса с 20-х до конца 50-х годов XIX в., в третьем критически оценивается синтаксическая система Ф. И. Буслаева и освещаются споры по вопросам синтаксиса в 60—70-е годы, в четвертой намечаются — в анализе трудов А. А. Потебни, А. В. Попова, Ф. Е. Корша — новые пути исторического и сравнительно-типологического изучения русского синтаксиса.

Монография В. В. Виноградова имеет большую познавательную ценность как по обилию заключающегося в ней фактического материала, часто впервые вводимого в научный оборот, так и вследствие актуальности для нашего времени тех проблем, которые в ней рассматриваются.

Остановимся прежде всего в связи с общим планом и композицией рецензируемой книги на проблеме периодизации истории изучения русского синтаксиса в рассматриваемую автором эпоху. Четыре раздела книги соответствуют трем периодам, устанавливаемым автором в изучении русского синтаксиса до 80-х гг. XIX в.; два последних раздела книги освещают один сравнительно краткий, но очень важный в историческом отношении период «с конца 50-х гг. по конец 70-х гг.». Этот период, по мнению автора, «характеризуется появлением труда Ф. И. Буслаева „Опыт исторической грамматики русского языка“ (1858 г.)», а в дальнейшем «развитием нескольких грамматических направлений, исходящих из разного понимания основных понятий и категорий синтаксиса» (стр. 379). Автор называет этот период «буслаевским» (стр. 379) или «после-буслаевским» (стр. 331).

Однако можно возражать против того, чтобы центральное место в этом периоде отводить Ф. И. Буслаеву, да и сам автор колеблется в этом, так как по отношению к пред-

шествующему периоду закономерно ставит вопрос, не следует ли признать, вслед за крупнейшими грамматистами 50—60-х гг. К. С. Аксаковым, Н. П. Некрасовым, Н. Богородицким, что и «Опыт исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева, стоящий на рубеже периодов, «своей синтаксической теорией был обращен в основном к прошлому» (стр. 378). И если этот период — 60—70-е гг. XIX в. — «проходит под знаком борьбы с теорией синтаксиса, положенной Ф. И. Буслаевым в основу его историко-лингвистических изысканий» (стр. 379), то едва ли целесообразно «именно этим трудом обозначать начало нового — третьего со времен Ломоносова — периода в истории разработки русского синтаксиса» (стр. 378), тем более что и полемика по вопросам синтаксиса в 60 и 70-е годы возбуждалась не столько схемами буслаевского синтаксиса, сколько новыми идеями, высказанными главным образом в трудах Н. П. Некрасова (в 60-е годы) и А. А. Потебни (в 70-е годы), как это видно и из изложения самого автора (гл. XV—XVIII). Если вместе с автором признать, что «периодизация развития тех или иных отраслей филологической науки не может состоять из таких этапов, начало и конец которых точно обозначаются резкой и твердой годичной датой, как жизнь и смерть человека» (стр. 372), то придется отказаться от того, чтобы считать водоразделом между двумя периодами в изучении русского синтаксиса выход в свет «Исторической грамматики» Буслаева. Если же приложить к развитию синтаксической науки во второй половине XIX в. идею «многоярусности русской грамматической науки», как предлагает автор, то нетрудно будет разглядеть первые зародки нового направления в синтаксических фрагментах К. С. Аксакова. И следует пожалеть о том, что синтаксические идеи К. С. Аксакова не нашли в книге В. В. Виноградова отчетливого и цельного выражения. Причину этому то, что характеристика К. С. Аксакова как синтаксиста оказалась разорванной в освещении автора: основные теоретические положения Аксакова в области синтаксиса отнесены к предшествующему периоду (стр. 194—202), а его же критика буслаевского синтаксиса (стр. 241—246), представляющая собой конкретное приложение теоретических взглядов Аксакова, в значительной мере утратила в изложении автора свое принципиальное значение как критика отживающей синтаксической теории с новых позиций «язычного выражения». А

между тем в свете последующего развития русской синтаксической науки (Ф. Ф. Fortunатов, А. В. Добинин, Л. В. Щерба) именно К. С. Аксаков, а не Ф. И. Буслаев выступал как зачинатель одного из новых направлений в русском синтаксисе 60-х гг.

В отдельный, небольшой по объему (330—370 стр.) раздел выделен в книге В. В. Виноградова анализ синтаксических исследований А. А. Потебни, А. В. Попова и Ф. Е. Корша. Такое выделение едва ли можно считать вполне оправданным. Во-первых, как указывает и сам автор, в хронологических рамках книги («От Ломоносова до Потебни и Fortunатов») невозможно «полное раскрытие синтаксических идей и открытий А. А. Потебни» (стр. 330), и его знаменитый труд «Из записок по русской грамматике» (I—II, 1874) «не может быть оторван от последующего развития и широкого внедрения синтаксических идей А. А. Потебни в 80—90-е гг. XIX в. и в первое десятилетие XX в.» (стр. 379). Но хотя общая «синтаксическая концепция А. А. Потебни получила развитие и внутреннюю цельность в 80-е гг.» (стр. 376), первые два тома его диссертации возникли на почве синтаксических споров и разногласий, вполне определившихся в 70-е годы. И было бы более целесообразно предварительный анализ синтаксической концепции Потебни дать в контексте борьбы направлений в русском синтаксисе 70-х годов, т. е. в составе того самого раздела, в котором освещаются работы по синтаксису непосредственных предшественников и современников А. А. Потебни (К. С. Аксакова, Н. П. Некрасова и др.). В таком случае общая хронологическая перспектива не была бы нарушена в книге и главы XIX—XXI, а отчасти и XVIII заняли бы место не до, а после анализа I—II тт. исследования Потебни. Выделенные автором в отдельные главы синтаксические исследования А. В. Попова (1880) и Ф. Е. Корша (1877) также было бы целесообразнее освещать в общем контексте 70-х гг. XIX в.

В первой, вводной, главе книги автор дает краткое изложение античной теории предложения и ограничивается немногими, очень беглыми замечаниями об отсутствии последовательно развитого учения о предложении у русских грамматистов до середины XIX в.

Вторая глава книги посвящена анализу разработки синтаксиса Ломоносовым. Подчеркивая материалистическую основу учения Ломоносова о предложении, В. В. Виноградов показывает, как Ломоносов в общей теории синтаксиса выдвигал мысль о соотносительности речи с действительностью, определяя предложения как «речи, полный разум в себе составляющие через снесение разных понятий», т. е. посредством объединения их в акте предикации (стр. 16).

При рассмотрении «сочинения частей слова» у Ломоносова автор отмечает, что Ломоносов постоянно стремится к абстрактно-грамматической характеристике правил согласования и управления слов» (стр. 19), избегая «простого перечисления

слов, характеризующихся однотипностью синтаксической конструкции» (стр. 24) и подчеркивая в ряде случаев «тесную и глубокую зависимость синтаксических связей от лексических значений сочетающихся слов» (стр. 18). В. В. Виноградов показывает далее, как тонко и глубоко освещены у Ломоносова функции союзов, синтаксические связи междометий, разнообразие способов выражения обстоятельств времени при образовании словосочетаний (стр. 24—25).

В анализе сложного предложения существенно указание Ломоносова (отмеченное автором на стр. 24) на структурное различие между случаем пост- и препозиции причинных предложений: *Креа много может:¹ потому что богат и Понеже Креа богат, то много и может*. В этих примерах примечательно не только употребление разных союзов, но и указание Ломоносова (постановкой двоеточия) на тесную связь частей при постпозиции причинного союза. Таким образом, у Ломоносова обнаруживаем глубокое понимание особенностей структуры сложного предложения и сложного синтаксического целого, не перешедшее, к сожалению, в традицию. Примечательно при этом, что Ломоносов, предвосхищая учение А. А. Барсова об описанных, или комплексных, терминах, включает в состав подлежащих и те придаточные предложения, которые при помощи относительных местоимений и наречий распространяют эти подлежащие (стр. 27—28).

Отмечены автором и тонкие наблюдения Ломоносова над принципами русского словорасположения и над стилистическими функциями порядка синтагм в составе предложения (стр. 31). Однако изложение синтаксических воззрений Ломоносова не переходит в панегирик. Объективно оценивая огромные заслуги Ломоносова в изучении синтаксиса русского языка, В. В. Виноградов указывает на отрыв в синтаксисе Ломоносова грамматического учения о «сочинении слов» от теории предложения, почти полностью перенесенной в «Риторiku», и на разобщенность в грамматике Ломоносова понятий «частей речи» и «членов предложения» (стр. 32—33). В силу этого Ломоносов мог только поставить, а не разрешить проблему соотношения лексик и синтаксиса в построении словосочетаний (стр. 21). Вместе с тем, по словам автора, «ломоносовское учение о предложении и его главных членах — подлежащем и сказуемом — носило логический характер и не исчерпывало вопросов, относящихся к строю предложения, к различиям типов предложений, к составу предложений и к приемам выражения синтаксических отношений между словами внутри предложения» (стр. 34). Впрочем проблемы, не раз-

¹ Следует отметить, что в VII т. последнего академического издания сочинений Ломоносова при воспроизведении данного текста допущена искажающая его синтаксическую структуру модернизация пунктуации: двоеточие заменено запятой (стр. 573).

решенные Ломоносовым, не получили всестороннего освещения и в последующие периоды изучения структуры словосочетаний и строя предложения.

Отдельная (третья) глава посвящена в книге анализу грамматической части «Письмовника» Н. Курганова. Курганов характеризуется автором как «эмпирик», «коллекционер» и «внимательный наблюдатель живой литературной речи» (стр. 37). Грамматика Курганова, согласно обобщающей оценке автора, «интересна, с одной стороны, тем, что, опираясь в основном на „Российскую грамматику“ М. В. Ломоносова, она стремится пополнить ее как живым материалом конструкций разговорно-обиходной речи, так и отдельными фактами архаического синтаксиса церковнославянского языка, взятыми из грамматики М. Смотрицкого» (стр. 46). С другой стороны, как отмечает автор, «Н. Курганов предпринял дальнейшие шаги для сближения грамматики с логическим и риторическим учением о предложении и периоде» (стр. 47).

Исключительный интерес представляет в книге В. В. Виноградова четвертая глава, в которой впервые в нашей синтаксической науке дается систематическое изложение разработки вопросов синтаксиса русского языка в пространной «Российской грамматике» А. А. Барсова (научное издание ее В. В. Виноградовым подготавливается к печати). В. В. Виноградову удается показать, как А. А. Барсов «углубил изучение ряда синтаксических вопросов, начатое Ломоносовым», и в то же время «раздвигает круг проблем синтаксиса, ставя новые задачи, в том числе и такие, которые не нашли еще своего окончательного разрешения даже в наше время» (стр. 51).

Отправной точкой синтаксической теории у А. А. Барсова, в отличие от М. В. Ломоносова, является «речь», т. е. предложение, а учение о предложении опирается у него на теорию суждения. При этом А. А. Барсов, как указывается в книге В. В. Виноградова, с большой остротой воспринимал противоречие между логическими и грамматическими категориями, отмечая, что «грамматическое подлежащее и сказуемое иногда в одном и том же предложении не сходятся с логическим» (стр. 55). Учение о составе предложения развивается у А. А. Барсова в стройную систему «неописанных и описанных терминов» подлежащего и сказуемого. «Термин описанный, — по формулировке Барсова, — составляется вообще через приложение к простому термину какого-нибудь другого слова для точнейшего его означения» (стр. 56). При этом подлежащее, по мнению А. А. Барсова, может распространяться посредством «целого предложения, возносительным местоимением или каким-нибудь союзом привязанного, на пр. *Учитель, который дело свое знает; учитель, ежели дело свое знает*; каковыя предложения, в рассуждении главных в которые они входят, могут названы быть пополнительными или вносными (propro-

sitiones incidentes)» (стр. 56). С другой стороны, и «описанное» сказуемое может быть, по Барсову, выражено глаголом, «распространенным поясняющими словами посредством союза *что*. Напр., *Ломоносов говорил, что тула оратория без грамматики*» (стр. 57). Так, без привлечения аналогии с второстепенными членами простого предложения, раскрывается у А. А. Барсова понятие о структурно нерасчлененном сложном предложении. Таким образом, учение об описанных и неописанных терминах помогло Барсову вскрыть глубокое структурные различия в построении сложного предложения, позже более четко сформулированные А. Х. Востоковым, хотя, как правильно отмечает В. В. Виноградов, «развернутой теории сложного предложения у Барсова еще нет» (стр. 67).

В наблюдениях над словорасположением А. А. Барсову удается провести отчетливое разграничение «общего или естественного» порядка слов, соответствующего «логическому расположению понятий», и «особенного или свободного» порядка слов, соответствующего «выражению грамматическому» (*emphasis grammatica*), т. е. произнесению «одного предложения несколько возвышенным голосом, пред прочими в том же предложении находящимися речениями» (стр. 63). В учении о пунктуации А. А. Барсов предвосхищает тактовую скалу знаков препинания с их отчетливой количественной градацией, построенную позже А. Х. Востоковым (стр. 65).

С большой убедительностью раскрыта Барсовым «разность» между «согласием» (согласованием) и управлением. При этом он тонко подметил, что «части управления находятся всегда в одном термине», т. е. или в сфере подлежащего, или в сфере сказуемого, тогда как части одного соглашения при «сочинении» глагола не входят в состав одного термина, так как глагол «содержит в себе и связует сказуемое с подлежащим, открывает согласие их между собою грамматическое» (стр. 69).

Особенно детально и систематично — со множеством самостоятельных наблюдений — излагается в книге В. В. Виноградова теория и практика именного словосочетания у А. А. Барсова (стр. 75). С учением о словосочетаниях тесно смыкается в стилистической грамматике Барсова учение о синтаксических фигурах, причем Барсов много внимания уделяет конструкциям живой разговорной речи. Приведенный В. В. Виноградовым (стр. 89—91) развернутый план пятой части «Российской грамматики» А. А. Барсова — «Словосочинение, или синтаксис» — наглядно свидетельствует о том, что синтаксис строился им в основном как детальное описание форм и типов словосочетаний. Страницы книги В. В. Виноградова, излагающие синтаксические взгляды Барсова (стр. 49—94), открывают для русской синтаксической науки оригинальную систему взглядов крупнейшего из непосредственных продолжателей «Российской грамматики» Ломоносова.

Отмечая «явный шаг назад в разработке вопросов теории синтаксиса» (стр. 95), который представляют три издания «Российской грамматики», сочиненной Имп. Российской Академией (1802, 1809 и 1818 гг.), В. В. Виноградов противопоставляет ей новые точки зрения на «синтаксис управления» и на способы образования словосочетаний в статье проф. Н. М. Кошанского «О русском синтаксисе» (1819 г.), представляющей собой «критические замечания на русский синтаксис», как он изложен Академической грамматикой. Неполным и недостаточным каталогом слов «с одинаковым управлением» (стр. 111) Кошанский противопоставляет три «общие начала или основания (principia), на которых можно утвердить правила русских глаголов»: 1) знаменование, или род глаголов (genus verborum), т. е. залоговые различия, 2) словообразовательные свойства глаголов, особенно приставочных («сложные глаголов») и 3) значение глаголов, оставленное или забытое в Академической грамматике (стр. 111). Делая вывод об огромной роли семантических категорий в организации форм и типов русских словосочетаний, Н. М. Кошанский утверждал, что «в русском синтаксисе так важно значение, что, кажется, не слово, а значение слова определяет требование падежа» (стр. 110); и он указывал при этом, что «свойство языка русского требует, чтобы слова, имеющие одинакий корень, во всех четырех или пяти частях речи (если причастие считать за особую часть речи) требовали одинаких падежей» (стр. 112). От статьи о русском синтаксисе Н. М. Кошанского, действительно, как правильно отмечает автор, «прямая линия развития русской грамматической мысли идет к „Русской грамматике“ акад. А. Х. Востокова» (стр. 113).

В заключительных главах (стр. 116—133) первого раздела книги В. В. Виноградова освещаются пестрота и несогласованность в разъяснении принципов изучения предложения в XVIII и в начале XIX вв. в трудах по русской грамматике и опытах построения универсальной грамматики (А. Никольского, Н. Языцкого, И. Орнатовского, И. Тимковского, Л. Г. Якоба). Наибольший интерес представляют первые опыты структурно-семантической классификации сложных предложений в «Основаниях российской словесности» А. Никольского (1809 г.) и в «Начертании всеобщей грамматики» Л. Г. Якоба (1812 г.).

Второй раздел книги В. В. Виноградова открывается критическим изложением синтаксических взглядов Н. И. Греча. Греч в суровой, но справедливой оценке автора характеризуется как сторонник общей «универсальной» теории грамматики, пытавшийся, следуя главным образом Герлингу, на материале русского языка формулировать такие «правила синтаксиса, которые можно приложить ко всем языкам» (стр. 138). Простому предложению Греч приписывал трехчленность логического суждения, в учении о сочетании слов ограничивался выяснением связи слов в

логической структуре предложения, в классификации сложного предложения эклектически смешивал принципы логические и собственно грамматические. В то же время в книге отмечается, что «у Греча были и интерес к наблюдениям над языком и умение описывать и характеризовать конкретные факты речевого употребления»; но, лишенный «дара систематизации грамматических явлений», он «был больше похож на коллекционера и формалиста-систематизатора» (стр. 138). Однако, несмотря на эклектизм грамматической позиции Греча и на механический характер проводимых им сопоставлений, грамматическая концепция Греча представляет собою, по справедливому замечанию автора, «одно из существенных звеньев в цепи развития формально-семантического или „логического“, внеграмматического синтаксиса в русской науке о языке» (стр. 160).

Н. И. Гречу в книге В. В. Виноградова отчетливо и резко противопоставлен А. Х. Востоков, «Русская грамматика» которого была, по словам автора, «продолжением и развитием той национальной русской грамматической науки, основы которой были заложены великим Ломоносовым» (стр. 165). В связи с совершенно очевидной недооценкой Востокова как синтаксиста в дореволюционной русской синтаксической историографии, следует приветствовать поставленную автором задачу объективно воспроизвести синтаксическую концепцию А. Х. Востокова, раскрыть общую материалистическую направленность его синтаксического метода и установить ведущее значение Востокова в разработке русского синтаксиса в первой половине XIX в.

Вслед за академиком П. С. Билярским автор считает особой заслугой А. Х. Востокова в анализе строя простого предложения признание двучленности состава простого глагольного предложения, его мысль об изличности связи как третьего главного члена предложения (стр. 169). Однако идея составного сказуемого получила у Востокова морфологическую интерпретацию в понятии «составного глагола». В силу этого и общий вывод автора, что Востоков, выдвигнув вопрос о формах выражения составного сказуемого, «доказал его глубокое значение для изучения синтаксического строя русского языка и как бы наметил тему будущей докторской диссертации А. А. Потевни („Из записок по русской грамматике“)» (стр. 167), требует некоторых оговорок. Открытие А. Х. Востокова, о котором в конце 50-х гг. прошлого столетия писал П. С. Билярский, представляет собой не столько формулировку мыслей Востокова, сколько сокрушительную критику концепций Греча со стороны самого Билярского. Поставленный П. С. Билярским в его статье вопрос о природе связи как средства формирования составного именного сказуемого имеет актуальное значение и в наше время. Билярский полагал, что «связку нельзя изображать чем-то „в роде цемента

между кирпичами“ (стр. 169—170) и что вспомогательный глагол *есть* — «не связка, а часть составного сказуемого» (стр. 168), имеющая определенное семантическое значение бытия, а не только грамматическую функцию согласования. И, соглашаясь с П. С. Билярским, что «глагол *есть* при имени прилагательном или существительном означает бытие не принадлежности, а, наоборот, бытие самого предмета», мы тем самым признаем, что вспомогательный глагол и в функции связки сохраняет бытийное, экзистенциальное значение. Поэтому, если в предложении *Петр Великий был солдатом* «дело идет... о бытии Петра в солдатах, а не солдата в Петре» (стр. 168), по остроумной интерпретации значения составного сказуемого П. С. Билярским, то это значит, что глагольная связка в составном именном сказуемом в сочетании с полнозначными существительными и прилагательными не является простой «морфемой времени и наклонения», как это имеет место в безлично-предикативных сказуемых с дательным субъекта (типа *Мне было скучно*) или в конструкциях с краткими прилагательными, когда связка утрачивает в той или иной степени свое экзистенциальное значение¹.

В книге В. В. Виноградова подробно освещено учение А. Х. Востокова о предложном и беспредложном управлении в структуре словосочетания и показано, как внимательно учитывает Востоков «роль вещественных значений слов в структуре семантически обусловленных, лексически ограниченных типов словосочетаний» (стр. 175). «В лаконических, но точных и полных обобщениях Востокова,— читаем в книге В. В. Виноградова,— приняты во внимание и общие свойства тех или иных синтаксических категорий и конструкций, и внутренние связи слов, разных разрядов и групп, создающие единство и общность их синтаксических качеств и возможностей, и специфические свойства отдельных стабилизовавшихся синтаксических оборотов, и закономерные способы взаимодействий форм синтаксической сочетаемости слов с их принадлежностью к тем или иным семантическим системам слов, и аналогические соотношения и взаимосвязи смежных систем слов» (стр. 178). Остановившись на наблюдениях А. Х. Востокова над «размещением слов», В. В. Виноградов показывает, какую глубокую внутреннюю связь имел для Востокова вопрос о нормах порядка слов с изучением строя различных модальных типов предложения:

¹ Ср. аналогичные рассуждения об экзистенциальности глагольной связки в статье Н. Ю. Шведовой («Полиные и краткие формы имен прилагательных в составе сказуемого в современном русском литературном языке», Уч. зап. МГУ, вып. 150. Русский язык, 1952, стр. 105—106), свидетельствующие об актуальности поставленной П. С. Билярским на материале востокской грамматики проблемы.

повествовательного, вопросительного, ответного и повелительного (стр. 189—193). В учении А. Х. Востокова о прозодическом периоде как исходной интонационно-смысловой единице стихотворной речи В. В. Виноградов усматривает частичное предвосхищение понятия синтагмы, как оно выдвинуто было позже акад. Л. В. Щербой, а также учения о колонне, в применении к прозаической речи, развернутого Б. В. Томашевским. Однако понятие прозодического периода не было введено Востоковым в его «Русскую грамматику», и он не пользуется им как средством расчленения речи. В отличие от А. А. Поттеби, который устанавливал соответствие между единицами меры стиха и синтаксическими единицами языка, прозодические периоды в понимании А. Х. Востокова являются не синтаксическими, а только тоническими единицами².

Общая оценка крупных заслуг А. Х. Востокова перед русской синтаксической наукой, данная в книге В. В. Виноградова, представляется нам глубоко справедливой. Можно в полной мере присоединиться к резюмирующим положениям автора о значении Востокова в истории изучения русского синтаксиса. «Несмотря на удивительный лаконизм изложения, строгую простоту и сжатость³, А. Х. Востоков в своем синтаксисе сумел дать тонкое, глубоко продуманное, систематизирующее все предшествующие наблюдения и вместе с тем вполне оригинальное описание основных форм словосочетаний в русском языке. Внутренняя «Российской грамматикой» Ломоносова склонность к материалистическому освещению синтаксических явлений русского языка, трезвый реализм наблюдений, необыкновенный дар систематизации — все эти черты научного гения А. Х. Востокова заставляют признать его прямым последователем и продолжателем М. В. Ломоносова в развитии русской синтаксической науки» (стр. 193—194). Здесь, правда, нужно сделать одну очень важную оговорку: многосторонняя научная гениальность «чистого натуралиста и в языке» Ломоносова — явление совсем иного, более грандиозного масштаба, по сравнению с узко филологической направленностью научной деятельности Востокова.

² Правда, в своих замечаниях по вопросу о том, есть ли какой размер в «Слове о полку Игореве», А. Х. Востоков намечает расчленение этой «древней поэмы русской» на стихи, подобные «библейским», и приводит образец такого синтагматического расчленения («Опыт о русском стихосложении», 2-е изд., СПб., 1817, стр. 161). Однако эта мысль о синтагматическом членении речи не получила у Востокова последовательного развития.

³ Еще П. С. Билярский отмечал аристотелевскую «простоту и сухость, какая царствует в грамматике г. Востокова» («Сколько главных частей в предложении? Опыт критической оценки успехов русской грамматики», ЖМНП, 1857, июнь, стр. 294).

Острой критике подвергается в книге В. В. Виноградова синтаксическая часть «Опыта общесравнительной грамматики русского языка» И. И. Давыдова (1852). Рассматривая академическую грамматику 1852 г. как «несколько модернизированный вариант общей грамматики» (стр. 205), автор в развернутом изложении синтаксических взглядов И. И. Давыдова показывает, как он, следуя за Беккером и его русским поклонником П. Басистовым («Система синтаксиса», 1848), строил синтаксис как отвлеченное рассуждение о применении законов логики к готовому материалу языка. Присоединяясь к мнению Ф. И. Буслаева (стр. 221—222), В. В. Виноградов дает резко отрицательную оценку И. И. Давыдову как синтаксисту. По мнению автора, «несмотря на применение сравнительного или вернее сопоставительного метода, „Опыт общесравнительной грамматики русского языка“ обращен целиком к прошлому. В нем нет никаких зародышей и звеньев будущего» (стр. 221). Однако этот суровый приговор автора нельзя признать в полной мере справедливым. Он чересчур прямолинеен в своей резкости. Теория сложного предложения, представленная в грамматике И. И. Давыдова, свидетельствует о большом внимании Давыдова к проблеме структуры сложного предложения. У Давыдова мы обнаруживаем, так же как и у Востокова, зачатки понимания сложных предложений как целостных синтаксических единств.

Следует, впрочем, отметить, что понятие о целостной структуре сложноподчиненного предложения с еще большей отчетливостью выражено в выходившем в свет одновременно с «Опытом» И. И. Давыдова «Учебнике русского языка» А. [П.] Смирнова. В третьей части этого учебника, посвященной синтаксису и пунктуации, мы находим следующее определение придаточного предложения как части сложного (по терминологии автора, «составного») предложения: «Когда в какой-нибудь части предложения должно обозначить отношение понятия к лицу говорящему, т. е. наклонение, время и лицо, тогда это понятие выражается не отдельным словом, а целым предложением. Такое предложение, составляющее часть другого предложения, называется *придаточным*; а предложение, в котором одно или несколько понятий выражены предложениями *придаточными*, имеющими свои подлежащие и сказуемые, называется *полным составным предложением*»¹. В этой формулировке примечательно раскрытие предикативной связи в придаточном предложении как выражения отношения содержания высказываемого к лицу говорящего в категориях времени, лица и наклонения. А. Смирнов, примыкавший, так же как и Давыдов, к беккеровскому направлению в изучении синтаксиса, в предисловии к 3-му году своего «Учебника русского языка» дает

следующую любопытную характеристику двух главных направлений в изучении синтаксиса в 20—50-е гг.: «Есть два способа излагать синтаксис: один принадлежит французским грамматикам, другой немецким. Французские грамматики рассматривают синтаксическое употребление различных частей речи и этимологических форм; немецкие представляют соединение этимологических форм в одно целое, и. п. в простое предложение, в составное предложение, в период и т. д. Первому способу у нас следовали гг. Востоков и Греч², второму гг. Перевлесский, Басистов и И. И. Давыдов. В первом случае мы следим грамматические формы в их отдельности и не видим живой речи во целостности: во втором случае речь представляется нам как одно органическое целое»³. Любопытно, что в этой характеристике Востоков и Греч объединены как представители французской школы: Востоков, очевидно, в силу свойственного ему ограничения синтаксиса задачами «словосочинения» и сознательного отказа от «логических начал» в изучении синтаксиса, а Греч как типичский представитель практической грамматики, которая устанавливала правила употребления литературной речи по требованиям здравого смысла и руководствуясь языковой практикой так называемых образцовых писателей.

В главе, посвященной Ф. И. Буслаеву, В. В. Виноградов раскрывает двойственность общей синтаксической концепции этого крупнейшего русского лингвиста середины XIX в. С одной стороны, Буслаев противопоставляется Гречу, Давыдову и другим представителям практической и общей грамматики как ученый, стремившийся, следуя Ломоносову, положить в основу своей грамматики «чисто народные и своеземные начала» (стр. 226—227) и возмущавшийся тем, что «русская речь слагалась по французскому синтаксису и изучалась по руководству немецкой грамматики»⁴. С другой стороны, Буслаев, отказываясь видеть в синтаксических категориях непосредственные отражения категорий логических и противопоставляя законам логики «внутренние законы языка»⁵, стремился, однако, в синтаксисе «определить правильное отношение отвлеченных приемов логики к формам языка», т. е. исходил в анализе синтаксиче-

¹ См. А. Смирнов, Учебник русского языка, 3-й год, 2-е издание, М., 1860, стр. 9 (1-е издание вышло в 1854 г.).

² Буслаев в «Заметках на статью г. Греча в № 7 „Морского сборника“ за 1856 г.» утверждал, что «на долю г. Греча выпало быть представителем... французского направления грамматики», основывающего правила грамматики «не на свойствах самого языка, а на употреблении его некоторыми так называемыми образцовыми писателями» («О преподавании русского языка и словесности», «Отечественные записки», 1856, декабрь, стр. 328).

³ А. Смирнов, указ. соч., стр. IX.
⁴ Ф. Буслаев, Опыт исторической грамматики русского языка, ч. II, М., 1858, стр. 83 (примеч.).

⁵ Там же, Предисловие, стр. XXIV.

ских явлений из категорий мышления. Поэтому, как обоснованно утверждается в книге В. В. Виноградова, «в лингвистической теории Ф. И. Буслаева (и больше всего в его синтаксической системе. — Н. П.) воззрения Гумбольдта сблизились с логической концепцией Беккера, его „Организма языка“» (стр. 248). Критически излагая учение Ф. И. Буслаева о составе простого и структуре сложного предложения и широко привлекая замечания К. С. Аксакова и А. А. Потебни по основным положениям синтаксического учения Буслаева, В. В. Виноградов показывает, как Буслаев запутывается в противоречиях, противопоставляя синтаксическое употребление логическому значению и обнаруживая «сокращения», «опущения» и «слияние» там, где эти понятия не имеют никакого «язычного выражения» (Аксаков). Поэтому совершенно естественно, что уже в конце 60-х годов «Историческая грамматика» Ф. И. Буслаева перестала быть фактором, определяющим развитие русской грамматической мысли в сфере синтаксиса. Об этом громко свидетельствуют (помимо критики Аксакова и Потебни) приведенные в книге В. В. Виноградова многочисленные высказывания других русских грамматистов 60—70-х гг., начиная с Н. П. Некрасова.

Чрезвычайный интерес для истории развития русской синтаксической теории представляет отображение в книге В. В. Виноградова брожения идей, борьбы направлений и поисков новых путей в изучении русского синтаксиса в 60—70-е гг. Весь этот период, как правильно отмечает автор, «отличается развитием критического отношения к центральным понятиям и категориям логико-семантической грамматики и новой постановкой основных синтаксических проблем» (стр. 380). Уже Н. П. Некрасов открыто заявлял о своем глубоком принципиальном расхождении с Буслаевым, утверждая, что «в „Исторической грамматике“ перед лицом фактов языка отразилась, как в зеркале, несостоятельность принятой автором теории» (стр. 252). Видя в морфологической базе синтаксиса, Некрасов, следуя Аксакову, резко обособлял синтаксические формы от «этимологических», нередко отрывая «общие значения форм от их живого синтаксического употребления» (стр. 257). Вопрос о существе различия между этимологическими и синтаксическими формами и о путях раскрытия национально-специфического в русском синтаксисе вызвал, как известно, очень содержательную полемику на страницах педагогических журналов 60-х гг. В. В. Виноградов показывает, как в ожесточенных спорах 60-х гг. «все глубже раскрывались понятия формы слова, слова как системы форм, понятия синтетической и описательной (аналитической, синтаксической) форм слова» и как «на этой основе выступали все более очевидно взаимодействие и взаимосвязь морфологических и синтаксических категорий языка» (стр. 263). Таким образом, исход спора решался как будто в пользу

противников Некрасова, однако, конечно, и не в пользу синтаксической системы Буслаева.

Самая школьная практика 60-х гг., как это видно из интереснейших материалов, приведенных в книге В. В. Виноградова, выдвинула ряд нерешенных и спорных вопросов русского синтаксиса. Такими вопросами были вопрос о способах выражения подлежащего и сказуемого, вызвавший содержательную дискуссию, в которой приняли участие К. Г. Говоров, П. Беляевский, В. И. Класовский, позже, в 70-е гг., — А. А. Дмитриевский, Г. А. Милославский и акад. Я. К. Грот, проблема безличного предложения (В. В. Новиковский, В. И. Класовский), вопрос о структуре сложного предложения (П. Беляевский, П. П. Глаголевский). С другой стороны, интерес отдельных исследователей привлекается к конкретным наблюдениям над строем парадигм разговорной речи, к изучению ее национально-синтаксического своеобразия (П. П. Глаголевский, В. Боголюбов, В. И. Водовозов). Завершается этот раздел книги анализом теоретических высказываний В. Сланского, резко выступившего во второй половине 70-х гг. и в 80-е гг. против неkritического смешения грамматики и логики и в защиту новых принципов изучения отношений между грамматическим построением предложения и его коммуникативным смыслом (стр. 305—329). Стоя на позициях подлинно логической грамматики, Сланский убедительно возражал против выделения так называемых второстепенных членов предложения. Автор обнаруживает в теоретических рассуждениях Сланского зародыши тех идей, которые позднее привели к отчетливому разграничению грамматических и смысловых отношений в структуре предложения (в трудах А. В. Добинаша, Ф. Ф. Фортунатова, Л. В. Щербы, А. И. Томсона, В. Матезиуса). В качестве предшественника В. Сланского в разграничении логического состава речи и ее синтаксических и «этимологических» форм В. В. Виноградов называет уже упомянутого нами А. Смирнова, противопоставлявшего логике общую грамматику, которая, по его мнению, превосходит логику, учитывая «новый момент самой мысли — личность мыслящего и разговорное сообщение мыслей» (стр. 328). Следует признать, что в ходе рассуждений А. Смирнова, несмотря на чрезмерность «логического» в его подходе к грамматике, есть нечто предвосхищающее современные идеи о значении «прагматического плана» в структуре акта коммуникации.

В анализе синтаксических взглядов А. А. Потебни автор указывает на то, что выдвинутое Потебней понятие синтаксической системы языка «сочетается с понятием общего смыслового контекста речи» (стр. 333). Однако понятие «речи» у Потебни как определенной синтаксической единицы, «вообще не тождественной с простым или сложным предложением», не получает в книге В. В. Виноградова законченной интерпретации. А между тем самое определение речи у

Потебни как «такого сочетания слов, из которого видно... значение входящих в него элементов», заставляет нас рассматривать речь, в понимании Потебни, как высшую синтаксическую единицу, своего рода «сложное синтаксическое целое». При этом, как правильно отмечается автором, «единство и целостность речи как основной единицы языка базируются на структуре предложения» (стр. 334), так что, с одной стороны, «слово как часть речи, как грамматически оформленный элемент речи функционально раскрывается в структуре предложения», а с другой стороны, по формулировке самого Потебни, «существенный признак предложения в наших языках состоит в том, что в предложение входят части речи». Таким образом, «этимология» и синтаксис оказываются нераздельными для Потебни только с точки зрения того сложного синтаксического единства, которое представляет собою «речь». Следовательно, отрицание возможной многозначности формы являлось у Потебни не только «примесью» субъективного идеализма в его мировоззрения, но и теоретической потребностью все понимать из контекста как живой конкретной формы творческого вложения языка. Автор совершенно прав, подчеркивая, что «нет ничего вульгарнее и ошибочнее» утверждения, будто бы Потебни, подвергнув синтаксическую концепцию Буслаева разрушительной критике, «свел учение о членах предложения к проблеме частей речи». В действительности, как утверждает автор, Потебни «новаторски преобразовал самое понимание взаимоотношений частей речи и указывал новые перспективы и новые задачи изучения их исторических изменений в связи с изменениями строя предложения» (стр. 352). Ведь, в понимании Потебни, грамматическая категория, составляющая существенный элемент языковой системы, «познается не в изолированном слове, а в контексте „ближайшего целого“, т. е. речи и далее — всего языка», как отмечает автор несколько выше (стр. 341).

В рецензируемой книге хорошо показано, что наиболее уязвимым пунктом в синтаксической теории Потебни было его учение о *verbum finitum* как минимуме предложения, потому что оно поражило основной нерв всей его синтаксической концепции: «уравняя сказуемое с глаголом, Потебни тем самым встал на путь сближения, а иногда и слияния членов предложения и частей речи» (стр. 347). К сожалению, учение Потебни о предикативном атрибуте и о связи как синтаксическом средстве присоединения атрибута к подлежащему только изложено в книге В. В. Виноградова (стр. 350 и сл.), а не подвергнуто автором детальному критическому анализу, между тем как проблема составного сказуемого, поставленная еще Востоковым, остается очень актуальной и для нашего времени¹.

В отношении синтаксических исследований А. В. Попова о первичности одночленных предложений автор ограничивается подробным и точным изложением его теоретических взглядов и очень общим указанием на остроту и актуальность поставленной им проблемы генезиса и путей развития одночленных неглагольных предложений (именных, вокативно-именных, междометных). Впрочем критическое рассмотрение проблемы «номинальных» предложений выходит за границы рассматриваемого автором периода². Подобным же образом не могло получиться в книге В. В. Виноградова развернутой оценки и исследования Ф. Е. Корша о способах относительного подчинения (1877), и это совершенно естественно, так как, поднимая проблему сравнительно-типологического синтаксиса, оно явно не укладывалось в рамки изучения русского синтаксиса. С точки зрения развития русской синтаксической теории оказывается особенно важным отмеченное В. В. Виноградовым стремление Корша «внести понятие за ко н о м е р н о с т и р а з в и т и я (разрядка автора. — Н. П.) в историю формирования сложного предложения и его типов» (стр. 373) и его указание на более позднее возникновение и развитие бессоюзных относительных конструкций на базе более раннего подчинения («здесь связи нет, ergo здесь относительная связь», стр. 367).

В заключительной главе книги (стр. 371—395) автор обосновывает принятую им периодизацию истории изучения синтаксиса русского языка XVIII—XIX вв., дает общую характеристику изучения русского синтаксиса в 80—90-е годы XIX в. и намечает тематический состав двух основных разделов синтаксиса — учения о предложении и теории словосочетания — как он определился в дооктябрьский период развития русской синтаксической науки. К книге приложен указатель имен, но, к сожалению, нет предметного указателя, и, таким образом, богатый фактический материал книги остается не учтенным в отношении его тематики. Текст книги не свободен от технических погрешностей: на стр. 265 искажена фамилия К. Г. Говорова, на стр. 236 автором «Практических заметок о русском синтаксисе» оказался А. А. Преображенский вместо А. А. Дмитриевского, на стр. 367 в цитате из Корша пропущено заключающее *ergo*; есть и опечатки, правда, немногочисленные.

Заканчивая рецензию, перечислим кратко основные тематические направления в разработке русского синтаксиса XVIII—XIX вв., как они наметились в общем ходе изложения в рецензируемой книге. В процессе изучения русского синтаксиса в рассматриваемый период выделяются следующие основные проблемы, не полу-

kultury Brněnské university», ročn. VII, číslo 6, 1958).

¹ См., например, статью Р. Мразика «Проблема сказуемого и его классификации» («Sborník prací Filosofické fa-

² См. статьи и рецензии К. Люгебиля, Ф. Ф. Фортунатова, позже И. Зубатого и др.

чившие полного разрешения и в настоящее время.

1. Проблема словосочетания, поставленная и разработанная на богатом языковом материале Ломоносовым (стр. 16—25), Кургановым (стр. 37—44) и Барсовым (стр. 71—81), была теоретически углублена Копанским (стр. 107—114) и особенно Востоковым, раскрывшим внутреннюю систему глагольных и именных словосочетаний (стр. 172—186).

2. Теория предложения, тесно связанная у Ломоносова (стр. 26) и Барсова (стр. 51—58) с логической теорией суждения, теряет самостоятельное значение у сторонников «логического» направления в понимании предложения (Греча, Давыдова). Однако уже у Востокова отмечается стремление вскрыть собственно грамматические признаки предложения (стр. 166—172). В концепции Буслаева осуществляется разрыв между логической и грамматической точками зрения на предложение. Выдвинутое Потемной учение о *minimum'e* предложения не удовлетворит противников логической грамматики (Дмитревский). Новую попытку построить собственно грамматическую теорию предложения делает Сланский (стр. 305—329).

3. Вопрос о структуре простого предложения и выделении в нем главных и второстепенных членов получил первый опыт теоретического разрешения в учении Барсова о неописанных и описанных терминах подлежащего и сказуемого. Попытка более углубленного развития проблемы структуры предложения отмечается в рассуждениях Сланского о грамматическом и смысловом членении предложения.

4. Вопрос о формах выражения составного сказуемого, поставленный Востоковым и Билярским (стр. 167—170), получает глубокую разработку в исследовании Потемби.

5. Проблема выражения подлежащего в связи с анализом природы безличного предложения, оживленно дебатировавшаяся в 60—70-е годы в работах Говорова, Новаковского, Классовского, Дмитриевского, Миловинова, Грота (стр. 266, 270—271, 284—295), была в дальнейшем формально снята разграничением односоставных и двусоставных предложений в «Синтаксисе» Шахматова.

6. Вопрос о структуре сложного предложения, поставленный еще Барсовым, Никольским и Якобом, получил затем односторонне-схематическое разрешение у Греча (стр. 153—159), Давыдова (стр. 216—220) и Буслаева (стр. 238—241). Попытки поставить этот вопрос на почву свободного от «логических» шор синтаксического анализа отмечены у Беляевского (стр. 269—270) и Глаголевского (стр. 278—279). В исследовании Корша «Способы относительного подчинения» проблема развития типов сложного предложения двдвигается в широкий контекст сравнительно-типологического синтаксиса (стр. 366—368).

7. Общая проблема соотношения морфологии и синтаксиса, поднятая еще Калайдовичем (стр. 114—116), получила новую постановку у Аксакова, отчетливо ограничивавшего морфологию как учение о формах от синтаксиса как учения о функциях форм, а под его воздействием у Некрасова и его последователей приняла характер резкого противопоставления «этимологических» форм синтаксическим (стр. 254—257, 260—263).

Книга В. В. Виноградова, представляющая собой первую половину специального курса автора по истории изучения русского синтаксиса, заполняет давно ощущавшийся пробел в истории русской синтаксической науки. Она помогает исследователям русского синтаксиса критически пересмотреть целый ряд понятий (словосочетание, предложение, подлежащее, сказуемое, второстепенные члены предложения, сложное предложение) со стороны вкладываемого в них традицией содержания и охватываемого ими объема, уяснить сложившееся исторически употребление этих понятий и вскрыть в них «результаты разновременных влияний, которые теперь трудно в них узнать, потому что отличительные черты их сглажены в течение времени своеобразным или неотчетливым словопотреблением» (Билярский).

Следует пожелать, чтобы вторая часть специального курса В. В. Виноградова по истории изучения русского синтаксиса в 80—90-е годы в до- и послеоктябрьский периоды XX в. была в скорейшем времени опубликована.

Н. С. Поспелов

НОВЫЕ КНИГИ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

Вопросы истории восточнославянских литературных языков привлекают к себе в последнее время все более пристальное внимание исследователей. Акад. В. В. Виноградов в докладе на IV Международном съезде славистов справедливо заметил, что «вопросы образования и развития литературных языков в настоящее время относятся во всем мире к числу актуальнейших проблем современного языкозна-

ния»¹. В связи с этим следует положительно оценить появление в последние годы новых обобщающих работ по истории восточнославянских литературных языков. Значительную активность в изучении исто-

¹ В. В. Виноградов, Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка, М., 1958, стр. 24—25.